

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ДОКУМЕНТ:

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

**Сборник материалов V Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием
(г. Томск, 27–28 октября 2011 г.)**

**Издательство Томского университета
2012**

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Г.Н. ПОТАНИНА
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СИБИРСКОЙ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ XVIII в.**

В последние 10–15 лет одним из самых интересных и плодотворно развивающихся направлений исторического поиска является история повседневности, но чаще всего она проецируется на события конца XIX–XX в. Что же касается более отдаленных времен, то они в ракурсе истории повседневности изучаются гораздо реже. Думается, что одна из причин невнимания исследователей заключается в недостатке источников. К вопросу о расширении круга источников по истории сибирской повседневности и обращено данное сообщение.

Речь о том, что в середине XIX в. усилиями Г.Н. Потанина был собран и опубликован большой массив архивных и устных источников, которые, наряду с другими, содержат сведения о быте и культуре сибиряков середины XVIII в. Материалы для этой публикации Г.Н. Потанин начал собирать в конце 1850-х гг. в Омске и продолжал затем в Томске. Арест в мае 1865 г. и тюремное заключение по обвинению в сибирском сепаратизме прервали работу Г.Н. Потанина, но как только представилась возможность, он вновь обратился к архивным занятиям. При содействии С.С. Шашкова, находившегося в одной тюремной камере с Г.Н. Потаниным, была подготовлена подборка документов, относившихся «до внутренней истории Сибири», и отослана в Москву, редактору журнала «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» О.М. Бодянскому [1. С. 214]. Материалы были получены в июне 1866 г. [2. С. 209], и практически сразу в 4-й книжке «Чтений...» за октябрь–декабрь того же года началась их публикация, продолженная в 1867 г. [3, 4, 5]. Вслед за тем потанинские документы вышли отдельным изданием.

Документальное собрание включает свыше 300 документов из фондов канцелярии Сибирского казачьего войска, Томской губернской казенной палаты, а также из архива томского Алексеевского мужского монастыря, переданные публикатору его сокамерником в Омской тюрьме, томским историком Д.Л. Кузнецовым. В большинстве своем это были подлинные документы, частью данные в изложении или пересказе. Все они ныне утрачены, и их информация сохранилась только в потанинской публикации.

Наряду с информацией о распространении русского влияния на киргиз-кайсаков (казахов) и многие сибирские народы, о направлениях, путях и результатах восточной политики Российского государства в 1730–1760-х гг. документальная публикация освещает события и явления, которые современные исследователи относят к проблематике повседневности [6. С. 4–5]. Прежде всего, потанинская подборка содержит сведения о среде обитания сибиряков, о том, как осваивались просторы Западной Сибири и сибирско-казахского побережья, прокладывались дороги и тропы, строились укрепления. Так, в «Письме», отправленном в 1760 г. ялutorовским управителем Бокиным командиру войсками Сибирской военной линии Х.Т. Киндерману, рассказано обо всех дорогах и тропах в Ялutorовском дистрикте и можно ли по тем дорогам проехать на телеге или только верхом, указаны расстояния между населенными пунктами («жилом»), сообщается об озерах и о том, в каких из них «вода добрая и в пищу годная» [4. С. 211–213].

Подробно описаны алтайские территории, которые по указанию властей целенаправленно заселялись русскими крестьянами и казаками. Приведена, к примеру, «Роспись», составленная прапорщиком Старцевым в 1748 г., в которой перечислены все пригодные для заселения места вдоль рек Алей, Локтевка, Уба. В ней обозначены территории, пригодные для заселения, указано, есть ли на них пашенные места и покосы и о том, какая рыба водится в реках и какие звери в лесах [5. С. 270–274].

В опубликованных Г.Н. Потаниным документах сообщаются сведения о занятиях сибиряков охотой, земледелием, показаны и посевные культуры, и урожаи, и случаи недорода в разных местах Сибири. Особенно подробно сказано о болезнях и падеже скота (по годам и населенным пунктам).

Много и обстоятельно говорится о торговле, названы товары, ввозившиеся в Сибирь из среднеазиатских и джунгарских земель: еркецкие товары, железные изделия, скот. Рассказывается о стремлении джунгарских купцов беспошлинно торговать в сибирских крепостях и городах, о препятствиях, какие встречали сибирские купцы в Джунгарии, об организации таможенного досмотра в Сибири.

В документальной публикации Г.Н. Потанина содержатся сведения об образе жизни сибиряков различных сословий, о продуктах питания и напитках, потребляемых сибиряками, о ценах на них. Есть

сообщения о болезнях и способах их лечения, например о том, что в 1748 г. для лечения в пограничных крепостях от «ветряной болезни» закупили табак и нашатырь [4. С. 137].

Документы освещают взаимоотношения сибиряков друг с другом, злоупотребления гражданских и военных чинов по отношению к сибирским горожанам, крестьянам, к так называемым инородцам. Сообщается и об условиях проживания на порубежных сибирско-казахских и сибирско-джунгарских территориях, когда киргизкайсаки (казахи), калмыки и урянхайцы (джунгарские вассалы) нападали на русских крестьян-земледельцев, на работников Колывано-Воскресенских заводов, брали их в «полон», грабили и убивали, жгли их дома и церкви [3. С. 71–72, 80–81, 85, 120–126]. Например, 13 июля 1756 г. урянхайцы во главе со старшиной Долдоем напали на крестьян под Чагырской крепостью на Алтае, одного мужика убили, а «бабу и девуку» увезли с собой [3. С. 113–114].

Не отставали и русские, о чем гласит прошение алтайского зайсана Боохола, которое он подал в 1757 г. на имя полковника де Гарриги с жалобой на то, что русские военные не раз забирали у его народа коней, коров, пушнину, железные котлы, уводили подростков, чтобы превратить их в холопов [3. С. 98–100]. Приходятся факты о том, как русские казаки грабили и русских поселенцев: в 1758 г. казаки яицкой команды, проходя мимо Ачаирского форпоста, вытаскали с поля весь горох и репу, копыями закололи борова и увезли с собой [3. С. 51].

Немало страниц в потанинской публикации отведено религиозным верованиям сибиряков, деятельности Православной церкви, старообрядчеству. Детально описана жизнь томских монастырей – мужского Алексеевского и девичьего Христорожественского, а также некоторых сельских и городских церквей [5. С. 295–299, 300–302, 309–310]. Рассказано о сибиряках, которые уходили в глухие алтайские места, в кузнецкие черневые леса, жили в укромных избышках, молились «двоеперстно», пока их не отыскивали военные команды и не подвергали наказанию плетьюми. Приведены описания самосожжения старообрядцев [4. С. 226–229; 5. С. 231–232]. Отмечены случаи перехода православных русских в мусульманскую веру и массовый переход барабинских татар-шаманистов в мусульманство.

Едва ли не первым в русской истории Г.Н. Потанин опубликовал документы о положении русских женщин на колонизируемой окраине России. С одной стороны, как показал публикатор, именно в расчете

на женщин везли в Сибирь из Бухары и Джунгарии самые разнообразные ткани – китайский шелк и бархат, голь терновасильковую, зендень, шанские хамы, а также шелковые сарафаны, золотые ленты с китайским жемчугом, голевые шелковые чепцы с золотыми прозументами. И тут же немало сообщений о том, как русских женщин захватывали «в полон», выдавали замуж против их воли, передавали от одного мужчины другому [5. С. 237–238]. В потанинских документах приводятся факты об отношениях в семьях, когда мужчина при живой жене женился вновь или же замужнюю («живомужную») женщину венчали против ее воли с другим мужчиной. При этом, когда выяснилась незаконность венчания солдата Замятина на девке Марье Валгуховой, то ее назвали «блудницей» и посадили «под караул», а с солдата лишь взяли подписку о том, что он будет «с перевозаконной женой жить по-прежнему» [5. С. 311–312].

Важнейшей чертой документальной публикации выступает добросовестность и заинтересованность составителя в фиксации самых мелких – вплоть до полушки – цен на жизненные припасы, в выписках самых незначительных утрат имущества, перечисленных в документах, в выявлении бесправности и казахов, и русских казаков, и сибирских кочевников, и джунгаров перед захватчиками, грабителями, государственными служащими. При этом Г.Н. Потанин не становился ни на чью сторону, но замечал каждого отдельного человека, обязательно указывал его имя. Интересно, что в одном из документов он обнаружил и опубликовал сведения о своём прадеде, тарском разночинце Иване Потанине, собрал множество свидетельств о станице Ямышевской, месте своего рождения, а также о Томске.

Этот заинтересованный и, можно сказать, любящий взгляд Г.Н. Потанина на собранные им документы и заключённую в них разнообразную информацию о повседневности определяет их непреходящее историческое значение и научную значимость.

Литература

1. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т.6. С.22–333.

2. Протокол заседания Императорского общества истории и древностей российских от 15 октября 1866 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1967. Кн.4, пагинация 5. С.208–210.

3. Материалы для истории Сибири / Сообщил Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание / Под ред. О.М. Бодянского. М., 1866. Кн.4, пагинация 4. С.1–128.

4. *Материалы для истории Сибири* / Сообщил Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание / Под ред. О.М. Бодянского. М., 1867. Кн.1, пагинация 2. С.129–230.

5. *Материалы для истории Сибири* / Сообщил Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание / Под ред. О.М. Бодянского. М., 1867. Кн.2, пагинация 2. С.231–324.

6. *Старцев А.В.* Теория повседневности // Города Сибири XVII – начала XX в. Вып.2: История повседневности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С.3–20.

С.А. Шпагин

НЕИЗДАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДА Т.Н. ГРАНОВСКОГО

Специфика работы историка с архивными фондами определяется постановкой цели и задач исследования. Так, анализ источников, посвященных жизни, деятельности и взглядам той или иной исторической личности, обуславливает преимущественный интерес к тем единицам хранения, которые входят в архивный фонд самого изучаемого персонажа и тех людей, кто были непосредственно связаны с ним. Однако интересные материалы могут быть обнаружены и там, где их, казалось бы, трудно ожидать, в том числе в фондах тех деятелей отечественной истории, которые считаются политическими противниками или представителями противоположных идейно-теоретических позиций.

Возможно, именно этим обстоятельством объясняется невнимание исследователей к неопубликованной до настоящего времени части фондов ряда деятелей русской общественной мысли. Практически все они содержат богатое эпистолярное наследие, включающее в себя как собственные послания фондообразователей, так и письма, адресованные им. И если первые неоднократно становились предметом тщательного изучения, то на вторые внимание специалистов обращается значительно реже.

Примером тому можно считать фонд известного русского историка XIX в., профессора Московского университета и лидера московского кружка западников Т.Н. Грановского, хранящийся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в г. Москве (ОПИ ГИМ). Этот фонд невелик: основной массив документов Грановского отложился в других архивохранилищах. Более того, все известные письма самого профессора и многих его адресатов были изданы еще в дореволюционный период [1]. Тем интерес-